
К 200-ЛЕТИЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ЧЕХОВ И ТУРГЕНЕВ. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ДВУХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Антон Павлович Чехов писал пьесы на протяжении всей жизни. Этот жанр, где автор скрыт за персонажами, был для него очень органичен. Он создал свой театр, сильно отличающийся от театра его российских предшественников. Но какими-то нитями Чехов-драматург бесспорно был с ними связан¹. Думаю, никто не будет отрицать, что, скажем, студент Петя Трофимов из чеховского «Вишневого сада» (1903), напитавшись идеями нового века, пришел туда из пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники» (1881). И общее у них не только имя, но и звание студента, демократические взгляды, учительская позиция по отношению к героине, девушке, которую они оба любят и «просвещают», да и «недотепистость» их роднит.

Ирина Чайковская — автор рассказов, повестей и пьес. Критик и публицист, редактор интернет-журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе: сначала в Италии, с 2000 года — в Америке. Публиковалась в журналах «Вестник Европы», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы» (Россия), «Новый берег» (Дания), «Чайка», «Слово/Word», альманахах «Побережье», «Связь времен» (США). Автор книг: «Карнавал в Италии» (2007), «Любовь на треке» (2008), «Какие нынче времена» (2008), «Старый муж» (2010), «В ожидании чуда» (2010), «От Анконы до Бостона: мои уроки» (2011), «Ночной дилижанс» (2013), «Три женщины, три судьбы. Полина Виардо, Авдотья Панаева, Лиля Брик» (2014), «Афинская школа» (2017), «Мария Маркович и Иван Тургенев. История отношений» (2017). Лауреат премии журнала «Нева» в номинации «критика» за 2015 год. Живет под Вашингтоном.

---

¹ См.: Е. В. Тюхова. Тургенев и Чехов: преемственность и типологические связи. Спасский вестник, 2005, № 12.

В своей статье я хочу обратиться к одному из героев пьесы Чехова «Три сестры» (1901), доктору Чебутыкину, обычно относимому к так называемым «второстепенным персонажам». Хотелось бы, чтобы мой анализ поколебал это мнение и показал, какую важную, весьма значимую роль играет Чебутыкин в пьесе Чехова. Показать это мне поможет сопоставление этого чеховского героя с центральным персонажем пьесы Тургенева «Нахлебник» (1848), — Василием Семеновичем Кузовкиным.

Для начала приведу цитату из письма Чехова жене, Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, от 23 марта 1903 года. В это время на сцене Художественного театра ставились пьесы Тургенева.

«Тургеневские пьесы я прочел почти все. „Месяц в деревне“, я уже писал тебе, мне не понравился, но „Нахлебник“, который пойдет у вас, ничего себе, сделано недурно, и если Артем не будет тянуть и не покажется однообразным, то пьеса сойдет недурно»².

Артем, упомянутый в письме, — актер Московского Художественного театра Александр Родионович Артем (А. Р. Артемьев, 1842—1914). Сын крепостного, он состоял в труппе со дня основания и считался «любимым актером Чехова»³. Для нашей темы важно, что именно для Артема, который в тургеневской пьесе должен был играть Кузовкина, Чехов написал роль Чебутыкина в «Трех сестрах». Эту роль артист исполнил на премьере «Трех сестер» в Художественном театре в 1901 году. К слову скажу, что в 1903 году по какой-то причине «Нахлебник» в Художественном сыгран не был. Первый акт пьесы театр сыграл только в 1912 году, а всю пьесу — через год. В постановке 1912 года Василия Кузовкина играл Артем.

Уточним еще один момент. Чехов пишет жене, что прочел почти все тургеневские пьесы. Значит ли это, что в 1903 году он читает их в первый раз? Конечно, нет. Тургенев ушел из жизни в 1883 году, Антону Чехову было в это время 23 года, он учился в Московском университете и отличался любовью к книгам и к театру. Бесспорно, что, еще учась в таганрогской гимназии, он не мог не прочитать тургеневские произведения, уже тогда считавшиеся «классикой».

Полагаю, что пьеса «Нахлебник» была Чехову хорошо известна и до весны 1903 года.

Но давайте разберем сюжет «Нахлебника» и рассмотрим его главного героя, чтобы затем обратиться к пьесе Чехова и к доктору Чебутыкину.

В наследственное имение приезжают давно отсутствующие хозяева — Ольга Петровна, 21-летняя помещица, покинувшая этот дом шесть лет назад и недавно вышедшая в Петербурге замуж, и ее муж, петербургский чиновник Павел Елецкий. В доме — на хозяйских хлебах — уже много лет живет Василий Семенович Кузовкин, он радуется приезду Ольги Петровны, подходит к ней с поздравлением, но она сначала его не узнает, а потом путает его имя-отчество. Постепенно выясняется, что Кузовкина старый барин держал «для потехи», заставляя его петь и плясать во время застолий. Но с того времени прошло больше двадцати лет.

Между тем во время попойки в честь приезда нового барина местный помещик Тропачев и его сподручный, спаивая Кузовкина, всячески его унижают, пытаются снова сделать его шутком, и в конце концов нацепляют ему на голову дурацкий колпак. Все хохочут. Кузовкин же, захмелевший, давно отвыкший от унижений, рыдает и обращается к новому помещику, для которого разыгрывается весь этот спектакль: «...покойный ваш тесть за даровой кусок хлеба да за старые жалованные сапоги вволю надо мной потешался — так и вам того же надо? ..стыдно, стыдно, батюшка!» У него есть козырь, есть средство заставить всю компанию себя уважать: «...а знаете ли, кто она, Ольга-то Петровна? Она... она моя дочь!» Сама Ольга как раз на этих словах появляется в дверях, она слышит признание Кузовкина — и исчезает.

² Источник: <http://chekhov-lit.ru/chekhov/letters/1902-1903/letter-4050.htm>

³ См.: Любимый актер Чехова. Театр и драматургия. М., 1935, № 2, с. 17—25.

Первое действие на этом кончается. И как кажется, второе — уже не более как довесок, включающий долгий рассказ Василия Семеновича Ольге, как ее мать, обиженная и униженная своим неверным и грубым мужем, провела ночь с ним, Кузовкиным. Правда, есть во втором действии удивительная сцена, когда Кузовкин кричит в лицо черствому и расчетливому мужу дочери: «Я столбовой дворянин. Вот кто я-с!» — и затем отказывается от предложенных ему 10 тысяч рублей. Это что-то неслыханное на русской сцене, настоящий бунт, попытка униженного человека обрести достоинство. И пусть нас не смущает словоерс — оно употребляется Кузовкиным по привычке.

Комедия Тургенева, однако, кончается счастливо для всех. Нахлебник, неудобный для Елецких, отселяется — помещики выдают ему деньги для выкупа его деревушки Ветрово, за которую шел нескончаемый суд между Кузовкиным и соседями. В итоге Кузовкин деньги берет. Хороший конец не мог обмануть цензуру. Пьеса считалась крамольной. Ее запретили печатать в «Отечественных записках» в 1849 году, и в печать она попала только через восемь лет и под другим названием («Чужой хлеб». «Современник, 1857. № 3). С постановками на театре было еще хуже. Впервые комедия была поставлена в Московском Большом театре в 1862 году и игралась в бенефис уже пожилого Михаила Семеновича Щепкина, для которого она была написана за 14 лет до того.

Жанр «Нахлебника» Тургенев определил как комедию. Между тем чисто комического там не так много, так что все зависит от художественного решения. Пьесу с равным правом можно ставить как водевиль, как мелодраму и как драму, причем с трагическим отсветом. Что-то похожее мы видим в пьесе Чехова «Три сестры». Автор определил ее жанр как драму в четырех действиях. Но при общении с руководителями МХАТа, которым он отдал пьесу, он говорил, что написал комедию и даже водевиль⁴. То же повторилось и с «Вишневым садом»⁵, с той только разницей, что Чехов считал его комедией, в то время как пьеса обычно воспринимается как драма. Ее жанр, как и жанр «Трех сестер», как и жанр пьесы «Нахлебник» Тургенева, тесно привязан к тому, каким образом ее поставят, на чем сфокусируют внимание. Скажу как зритель: все три произведения много теряют в глубине и силе воздействия, когда ключом к их постановке становится чисто комический подход. И трудно поверить, что Тургенев и Чехов этого не чувствовали и не понимали. Но в русской драматургии за несколько десятилетий до них существовала пьеса, которую принято называть «бессмертная комедия», — «Горе от ума» Грибоедова. Не эта ли пьеса, написанная в 20-х годах XIX века, в которой показан «миллион терзаний» главного героя, задала тон для обозначения в дальнейшем жанром комедии произведений драматического и даже трагического плана? И не ориентировались ли все названные авторы на значение слова «комедия» в таких названиях, как «Божественная комедия» Данте⁶, а позднее «Человеческая комедия» Бальзака?

⁴ По словам Станиславского, Чехов «был уверен, что он написал веселую комедию, а на чтении все приняли пьесу как драму и плакали, слушая ее. Это заставило Чехова думать, что пьеса непонятна и провалилась» (Станиславский, т. 1, с. 235). Немирович-Данченко вспоминал, что после чтения пьесы Чехов «боролся со смущением и несколько раз повторял: я же водевиль писал <...> В конце концов мы так и не поняли, почему он называет пьесу водевилем, когда „Три сестры“ и в рукописи называлась драмой» (Из прошлого, с. 169). Источник: <http://chehov.niv.ru/chehov/text/tri-sestry-primechaniya.htm>

⁵ Современный критик Всеволод Сахаров пишет: «В элегической музыке „Вишневого сада“ звучат бетховенской силы удары судьбы в двери тургеневской усадьбы» (см. его статью «Высота взгляда (Тургенев и Чехов)». Источник: <https://ostrovok.de/old/prose/saharov/essay010.htm>

⁶ Данте писал, что комедией называется всякое поэтическое произведение с устрашающим началом и благополучным концом.

«Три сестры» Чехова были написаны в 1901 году, и в том же году поставлены Художественным театром. Судя по названию, пьеса посвящена трем сестрам. Действительно, Ольга, Маша и Ирина Прозоровы в центре действия, мы следим за изменением их судеб, за возникновением и крахом их надежд, за их реакцией на людей и события. Но есть в пьесе персонаж, который жил в доме Прозоровых еще тогда, когда были живы родители трех сестер и их брата Андрея. Этот человек знает молодых Прозоровых с детства, и какие-то тайные нити связывают его с младшей из всех четверых — Ириной. Говорю о докторе Чебутыкине. Чебутыкин — военный доктор, по-видимому, он служил под началом генерала Прозорова, умершего за год до начала действия. В город он пришел вместе с бригадой, месяцев за восемь до начала действия, с нею же отправляется в Польшу на новую дислокацию в конце пьесы, через два года после прибытия. Но в отличие от прочих военных, Чебутыкин расположился как свой в доме сестер, на первом этаже. Считается, что он платит за проживание, но из реплик сестер мы узнаем, что старик доктор живет, в сущности, бесплатно, как член семьи.

М а ш а . Вот пришел (Чебутыкин. — *И. Ч.*). Он заплатил за квартиру?
И р и н а (*смеется*). Нет. За восемь месяцев ни копейки. Очевидно, забыл.
М а ш а (*смеется*). Как он важно сидит!

Обратим внимание на то, что сестры воспринимают неуплату Чебутыкина за квартиру с юмором. Скорее всего, это он сам настаивал на том, что будет платить как обыкновенный жилец. Но они-то знают его с детства и воспринимают почти как родственника. И, скорее всего, с детства привыкли видеть в нем «чудака» и слегка над ним подтрунивать. Маша в этом смысле злее Ирины. Это она замечает: «Как он важно сидит».

До этого обмена репликами следует ремарка: «Чебутыкин, только что вставший с постели — он отдыхал после обеда — входит в залу и причесывает бороду⁷, потом садится там за стол и вынимает из кармана газету». Здесь целый ритуал: причесывание бороды, занятие места, вынимание газеты из кармана — и все это делается серьезно и важно. И сидит он важно, словно дело делает, а на самом деле бессмысленно читает газету, время от времени произнося вслух отдельные газетные сообщения: «Бальзак венчался в Бердичеве» или «Цицинар⁸. Здесь свирепствует оспа». Отрывочные фразы звучат смешно и нелепо. У чудака доктора роль в этом обществе своеобразная, едва ли не шутовская. Он и сам не прочь сыграть эту роль, да и окружающие норовят его на нее вывести. Весельчак подпоручик Родэ может обратиться к нему с громким, рассчитанным на внимание остальных вопросом. «Р о д э (*громко*). Доктор, сколько вам лет?»

И Чебутыкин ответит ему с привычной невозмутимостью: «Мне? Тридцать два». Следует ремарка «смех», именно на такую реакцию были рассчитаны вопрос и ответ.

Этими своими шуточками, своей песенкой «та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я», своей присказкой «все равно» Чебутыкин может раздражать. Вот он попался под горячую руку Маше, когда она, расстроенная уходом Вершинина, просит окружающих: «Раз я злая, не говорите со мной, не трогайте меня!» Чебутыкин, верный своей шутовской роли, смеется: «Не трогайте ее, не трогайте...» — и получает отповедь от разгневанной Маши: «Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что».

⁷ Чебутыкин — военный доктор. Я решила выяснить, можно ли было в царской армии носить бороду. Оказывается, да. Чехов и здесь остался верен истине. В последние два царствования, Александра III и Николая II, носить бороду разрешалось. А носить бороду «нижним чином войск гвардии и генералер» даже предписывалось (см. «История усов в русской армии»).

⁸ Цицинар — город в Китае. Там в начале XX века действительно свирепствовала оспа.

Как говорится, получил по голове. Конечно, это не те унижения, которые терпит «нахлебник» Кузовкин, и все же...

Но тут следует сказать о двойственной роли Чебутыкина и в доме Прозоровых, и в пьесе Чехова. Его воспринимают как чудака, временами как шута, но одновременно он — хранитель дома, его «домовой», последнее связующее звено детей с родителями. Уже в начале пьесы, а она начинается в день годовщины кончины отца и именин Ирины, в ответ на возгласы по поводу подаренного им Ирине дорогого подарка — серебряного самовара — Иван Романович говорит прочувствованно: «Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, вы для меня самое дорогое, что только есть на свете. Мне скоро шестьдесят, я старик, одинокий, ничтожный старик. Ничего во мне нет хорошего, кроме этой любви к вам, и если бы не вы, то я бы давно уже не жил на свете». С самого начала обнаруживается какая-то особая любовь Чебутыкина к младшей из сестер, Ирине, какая-то особая связь между ними. Вот Ирина окликает его так, как никого не окликает: «Иван Романыч, милый Иван Романыч!», а он отзывается на это с удивительной нежностью: «Что, девочка моя, радость моя?» Ирина продолжает, обращаясь именно к нему: «Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего?» И ответ Чебутыкина с ремаркой: «*(целуя ей обе руки, нежно)*. Птица моя белая...»

Старый доктор, как мы увидим дальше, не слишком сентиментален, про смерть барона Тузенбаха скажет «...одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно?» Но к сестрам, и именно к Ирине, он относится по-особенному, нежно, трогательно: «Милая, деточка моя, я знаю вас со дня вашего рождения... носил на руках... я любил покойницу-маму». Вот он зовет ее к себе: «Ирина Сергеевна! — Что вам? — Пожалуйста сюда. Venez ici»⁹. И Ирина покорно идет и садится за стол. А Чебутыкин заключает: «Я без вас не могу».

Откуда такая привязанность? Не коренится ли ответ в словах доктора «Я любил покойницу-маму»?

Старшему брату сестер Андрею Прозорову, с которым доктор проводит время в клубе за карточным столом, он признается: «Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния, да и потому что безумно любил твою матушку, которая была замужем». Жизнь знает примеры, когда замужние дамы уступали безумно влюбленным в них поклонникам. Не было ли и здесь такого случая?

Маша, старшая из сестер, которая видела Чебутыкина все свое детство, реагирует на него нервно, ей хочется знать, что связывает его с их домом, почему он так по-хозяйски здесь сидит, читает газету, поет «тара-ра-бумбию». Вот их короткий разговор незадолго до конца пьесы:

М а ш а . Сидит себе здесь, посиживает.
Ч е б у т ы к и н . А что?
М а ш а *(садится)*. Ничего.

Пауза.

Вы любили мою мать?
Ч е б у т ы к и н . Очень.
М а ш а . А она вас?
Ч е б у т ы к и н *(после паузы)*. Этого я уже не помню.

⁹ Венеция здесь *(лат.)*.

В сущности, он признался. Реплика «после паузы» говорит сама за себя. Маша застала его врасплох, он в замешательстве. На вопрос Маши можно ответить «нет» и «да». Чебутыкин не говорит «нет». Но он не хочет и сказать «да», то есть сознаться в своей связи с матерью сестер — как человек чести, как военный. О том, что он не хочет говорить правду, свидетельствует пауза. Я уверена, что Маша понимает этот ответ как признание.

Автор нас не оповещает, что Ирина — дочь Чебутыкина, но на это прозрачно намекает.

Если в «Нахлебнике» этот мотив становится определяющим, то в «Трех сестрах» он спрятан в подтекст.

Почему же Чебутыкин при такой любви к Ирине не протестует против дуэли Тузенбаха с Соленым, участвует в ней как врач, а затем вполне равнодушно отзывается о смерти барона? Ведь ему хорошо известно, что барон — жених Ирины. Здесь нужно принять во внимание два обстоятельства. Инерция и ритуал военной жизни, в которой дуэли были элементом, хотя и архаическим, отстаивания чести. И второе. Чебутыкин выработал в себе жизненный принцип: все равно. Несчастный случай — смерть пациентки, в которой он чувствует себя виновным, выводит его из нормы, он уходит в запой. А после — его восприятие действительности притупляется и «все равно» уже не сходит у него с языка.

Несколько слов о «философии» Чебутыкина, которую пьяный доктор развивает перед не выспавшимися из-за пожара обитателями дома: «...может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, ем, сплю. (*Плачет.*) О, если бы не существовать!» Чуть позже, разбив фарфоровую вазу, он снова вспомнит свой «субъективный идеализм»: «Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет». Конечно, в устах пьяного философский пассаж звучит смешно, и пьяные слезы, сопровождаемые репликой «О если бы не существовать», могут вызвать смех, и, однако, это еще один штрих в портрете героя, получившегося весьма объемным. Чебутыкин совсем не прост. Да, он не читал Шекспира и Вольтера и все забыл из своей врачебной науки, но он может сам себе ужаснуться и заклеить себя словами «Пошлость! Низость!», и его уму не чуждо философствование.

Здесь есть смысл сказать о Чебутыкине как о враче. Чебутыкин-врач — образ, доведенный до последней степени гротеска. Врач, не только не умеющий лечить, но постоянно об этом твердящий. «Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего...» Нечто похожее он говорит и в пьяном виде: «Черт бы всех побрал... подрал. Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего». На вопрос Андрея «Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?» доктор отвечает: «Что спрашивать? Не помню, голубчик. Не знаю». Трудно поверить, что практикующий врач полностью все забыл и не знает, как лечить такое часто встречающееся недомогание, как одышка. Пусть даже не лечить — хотя бы дать житейский совет. Чебутыкин у Чехова — до предела утрированный тип врача, уставшего от своей профессии, не желающего ею заниматься, просящего, чтобы окружающие от него отстали. Чебутыкин устал от жизни, от пациентов, от эксцессов, он ждет долгожданной пенсии, которая будет через год. А пока он выработал себе принцип — не отзываться на поступающие «сигналы» внешней жизни. Потому он и повторяет свое сакральное «все равно», потому в любой ситуации и напевает свою бессмысленную шутовскую песенку.

Между тем жизнь то и дело исторгает из него реакцию, не совпадающую с принципом «все равно».

Вот он вытирает глаза перед уходом из города.

Вот в третьем действии, ночью во время пожара, сильно напившись, он проговаривает вслух одну из самых горьких истин пьесы. В сущности, это кульминация «Трех сестер». Пьяный Чебутыкин, уходя к себе, открывает сестрам глаза на то, что происходит в их доме, в семье их брата Андрея:

Чебутыкин (*у двери*). Что смотрите? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите... Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым. (*Поет.*) Не угодно ль этот финик вам принять¹⁰ (*Уходит.*)

При всей водевильной концовке этого короткого монолога он весьма серьезен. Сестры, живущие в своем мире, возвращены Чебутыкиным на землю, к тому событию, которое касается непосредственно их брата и их и которое в долгосрочной перспективе выживет их из родного дома.

А незадолго до этой кульминационной сцены пьяный Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их. Они падают у него из рук и разбиваются как раз на словах Ирины «И мы уедем». Чебутыкин: «Вдребезги!» Не так ли, как эти часы, вдребезги разобьются мечты сестер о совместном отъезде «на родину», в Москву? Часы принадлежали «покойной маме». Уж не Чебутыкин ли ей их подарил и не потому ли он так пристально их рассматривает? Сцена явно символическая. Бьются часы. Причем не просто часы — дорогая семейная реликвия. И бьются они в тот момент, когда выясняется, что батарея из города уходит и сестрам нужно задуматься о будущем. В этот момент рвется еще одна нить, связывающая обитателей дома с прошлым, и в то же время звучит грозное предупреждение о будущем. Прошлое уйдет, дом опустеет, сестры не уедут в Москву. И эта символическая сцена тоже связана с Чебутыкиным, вожатым в прошлое и невольным прорицателем будущего.

Для Андрея Прозорова Чебутыкин — «друг» и «единственный человек, которому можно открыть душу». Так сам Андрей говорит доктору. Они вместе играют и проводят время в клубе. Подающий надежды Андрей, женившись на Наташе, забросил научную карьеру, скрипку, поступил на службу в земскую управу под начало любовника жены Протопопова; он игрок, игрок неудачливый, в поисках денег он бесчестно поступает с сестрами, заложив их общий дом в банке... Деньги в результате присваивает его хищная жена Наташа, постепенно захватившая власть в доме, вытесняющая из него сестер. Хороший по своим задаткам, но слабый, поддающийся чужому влиянию, Андрей запутался, потерялся.

И единственный, кто может наставить его на путь, — Чебутыкин. Вот что он говорит Андрею на прощание: «Завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше».

Чебутыкин дает Андрею единственно верный совет: чтобы спастись от погружения в трясины, нужно резко поменять жизнь. Неизвестно, ступит ли Андрей на кардинально новый путь, но Чебутыкин верно уловил, что прежний ничего хорошего его младшему другу не сулит.

Есть в пьесе еще одно место, где вроде бы циничный и равнодушный доктор становится красноречивым и чувствительным, словно это и не он. Это место связано с Ириной, с ее планами после венчания с бароном (которое не состоится, ибо назавтра Тузенбах будет убит на дуэли) поехать на кирпичный завод и начать новую жизнь —

¹⁰ На запрос И. А. Тихомирова, предположившего, что эта фраза взята «из какого-нибудь романа или куплетов» (14 января 1900 г. — ГБЛ), Чехов ответил: «Это слова из оперетки, которая давалась когда-то в Эрмитаже. Названия не помню...» Источник: <http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=9&sub=9&part=6&page=12> Комментарии к пьесе «Три сестры», сноска 15.

в школе, учительницей. На это Чебутыкин откликается необычно. Он не просто обращает к Ирине слова любви и ласки: «Славная моя, хорошая... Золотая моя», но и приветствует в ее лице все молодое поколение: «Далеко вы ушли, не догонишь вас. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может лететь! Летите, мои милые, летите с богом!»

Как уже говорилось, Чебутыкин в пьесе — связующее звено детей с родителями, он «хранитель дома», знавший и любивший маму сестер и брата Прозоровых. Кому, как не ему, напутствовать молодых? Но привычная маска циника и шута не предполагает таких речей. Недаром сразу за его пафосными словами у Чехова следуе Пауза, а затем доктор, устыдишись своего пафоса, сбавляет тон и в обычной манере обращается к Кулыгину: «Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили».

Нужно сказать, что Чебутыкин в этой своей речи подписывает себе приговор одиночества, того самого одиночества, о котором он говорил Андрею: «Как там не философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой».

В его планах через год, выйдя на пенсию, вернуться сюда, в этот дом: «Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас. Мне до пенсии только один годочик остался».

Но если все «улетят», то ему не к кому будет возвращаться. В конце пьесы в разговоре с Андреем он уже менее уверен, что вернется:

Андрей. Навсегда?

Чебутыкин. Не знаю. Может, через год вернусь. Хотя черт его знает... все равно.

Можно предположить, что через год в доме Прозоровых останется одна Наташа, навещаемая Протопоповым. Ольга, ставшая начальницей, давно уже живет в гимназии, Маша с Кулыгиным также живут отдельно, Ирина после смерти Тузенбаха собирается одна уехать учительствовать. Андрея, если он послушает совета Чебутыкина, здесь тоже не будет. А если не послушает и останется, что ближе к реальности, то Чебутыкин вряд ли сумеет обосноваться в доме, где хозяйка Наташа. Да и зачем? Ведь из этого места вместе с сестрами улетучится все, что давало ему ощущение семьи и дома.

Любопытно сравнение Чебутыкина с Кулыгиным. Оба принадлежат к старшему поколению, оба на службе, один врач, другой учитель. Оба не прочь произнести латинскую фразу. Но Чебутыкин — военный доктор, забывший всю врачебную премудрость, запойный пьяница, циник и полусут, Кулыгин же — гимназический учитель, очень довольный собой, своей карьерой, своим начальником и своей женой Машей. Кулыгин не столько учитель, сколько чиновник. Он чувствует свое превосходство над Чебутыкиным хотя бы потому, что он, Кулыгин, — человек положительный, непьющий, а доктор пьет. Его это веселит: «Как нарочно, у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно!.. (Смеется.) Экий какой, право... Я спрячусь. (Идет в угол к шкапу.) Этакий разбойник».

Этому «педагогу» приятно понаблюдать над пьяным Чебутыкиным, посмеяться над ним. Вот он выходит из своего укрытия и обращается к Чебутыкину:

Кулыгин (смеется). Назююкался, Иван Романыч! (Хлопает по плечу.) Молодец! In vino veritas¹¹, говорили древние.

В четвертом действии Чебутыкин, размечтавшись, что через год вернется и коренным образом изменит свою жизнь, говорит о себе «изменившемся»: «Стану таким ти-

¹¹ Истина в вине (лат.).

хоньким, благо... благоугодным, приличненьким». В сущности, это портрет Кулыгина, «образцового чиновника», настолько преданного начальству, что, став инспектором, в подражание директору гимназии сбривает усы.

Кулыгин реагирует на чебутыкинскую песенку «Тарара... бумбия... сiju на тумбе я...» репликой: «Неисправим, Иван Романыч! Неисправим!» А тот с иронией парирует: «Да вот к вам бы на выучку, тогда бы исправился». Старый шалун и пьяница знает цену Кулыгину и соответственно к нему относится.

Чебутыкин, со всеми своими пороками, но имеющий живую, еще до конца не угасшую душу, гораздо ближе к миру сестер Прозоровых, чем довольный собой, ограниченный и пошлый чиновник Кулыгин.

В конце пьесы именно Чебутыкину выпадает сказать Ольге и — главное — Ирине о смерти барона. Легко ли ему это дается, если помнить, что к Ирине, невесте барона, он относится по-отцовски? Скорее всего, нелегко. Но Чехов этого впрямую не показывает. Чебутыкин отходит от Ирины, которая, вероятно, плачет, и «в глубине сада садится на скамью». Он устал, что и констатирует: «Утомился». О сестрах говорит: «Пусть поплачут», но сам плакать не собирается, привычно вынимает из кармана газету и привычно напевает: «Та-ра-ра-бумбия... сiju на тумбе я». Это — его очередная попытка уйти от внешних воздействий, в этот день особенно нестерпимых. Дуэль, на которой он присутствовал в качестве врача, гибель Тузенбаха, необходимость рассказывать, что барон убит. Спаситься от настигающего страдания ему, человеку пожилому, у которого нет прочной опоры в жизни и чье будущее неопределенно, можно только в маске абсолютного равнодушия.

«Все равно» Чебутыкина становится контрапунктом к высказываниям трех сестер. В финале пьесы они стоят, прижавшись друг к другу, и в словах каждой — Маши, Ирины и Ольги — звучит мотив «надо жить», «надо надеяться». Тузенбаха, жениха Ирины, уже нет на свете, любимый человек Маши, Вершинин, уходит с бригадой, и все же они сейчас вместе, и каждая, словно в утешение сестрам, говорит что-то ободряющее. «Кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!» — вслед за сестрами произносит Ольга. Последняя реплика пьесы — Ольгино «Если бы знать, если бы знать!» — накладывается на произнесенные до этого слова Чебутыкина: «Все равно. Все равно!» Конечно, это столкновение не случайно. Чехов показывает жизнь как «человеческую комедию», где все перемешано — высокое и низкое, надежда и равнодушие, человеческие страдания и желание от них укрыться за маской цинизма.

Мы постарались рассмотреть роль Чебутыкина в пьесе Чехова, проанализировав смысл его присутствия в каждой сцене. Этот герой проходит через всю пьесу Чехова, с ним связаны кульминация третьего действия и контрапункт финала.

Доктор представляется нам совсем не второстепенным персонажем. На нем держится тема «дома», он, по всей видимости, негласный отец Ирины, он осуществляет связь прошлого и настоящего семьи, именно Чебутыкин наставляет «детей» Прозоровых и отдельно Андрея на «уход», на поиски своей судьбы. Не называя Чебутыкина главным героем «Трех сестер», признаем его присутствие в пьесе корневым, фундаментальным.

Бесспорно чеховский Чебутыкин гораздо объемнее героя пьесы Тургенева «На хлебник», Василия Семеновича Кузовкина, да и сама пьеса «Три сестры» ничем не напоминает комедии Тургенева. И, однако, Чебутыкина и Кузовкина сближает положение в доме: оба живут «на хлебах» хозяев. Чебутыкин — военный врач, продолжающий практиковать и могущий делать дорогие подарки, но при этом он не платит за проживание и, по-видимому, по-родственному столовается у сестер.

Двух этих героев роднит и мотив тайного «отцовства», который в «Нахлебнике» выходит на поверхность и становится определяющим в развитии действия, а в «Трех сестрах» остается в подтексте и на поверхность не выводится.

Кузовкин — главный, «титულный» герой пьесы Тургенева, Чебутыкин обычно рассматривается как лицо второго ряда, но, по нашему мнению, он, как и Кузовкин, играет определяющую роль в некоторые ключевые моменты течения пьесы — в кульминации третьего действия и в финале.

На примере этих двух персонажей можно видеть, как по-разному авторы выстраивают своих героев.

Тургенев изначально любит и жалеет Кузовкина, и зрители ни на минуту не перестают ему сопереживать, а те сцены, где его поднимают на смех и над ним издеваются, как правило, вызывают негодование и слезы зрительного зала.

Чебутыкин же — герой амбивалентный. Его легко причислить к тем забывшим азы профессии врачам-невеждам, которых в таком количестве изображал автор «Ионыча». Но этой стороной образ Чебутыкина не ограничивается, он гораздо объемнее и сложнее, чем Кузовкин, и каждая новая сцена с ним добавляет что-то в понимании этого персонажа. Он и шут-потешник, и «философ», и циник, равнодушный ко всему, и нежнейший, причем поглаженный, отец, и человек, проливающий слезу при расставании. Сложно сказать, с каким знаком этот персонаж, еще сложнее, как относится к нему автор. И только глубокий анализ каждой сцены в их связи с прочими может дать нам какую-то путеводную нить в понимании этого образа. Не претендуя на последнее слово в объяснении этого персонажа, мы предложили свою трактовку, в создании которой отталкивались от неожиданно замеченного типологического сходства чеховского Чебутыкина и тургеневского Кузовкина. Это сходство и стало импульсом к написанию статьи.

Литература:

А. П. Чехов. Три сестры. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 13. М.: Наука, 1986.

И. С. Тургенев. Нахлебник. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 2. С. 113–172.

<http://chegov.niv.ru/chegov/text/tri-sestry-primechaniya.htm>. Примечания к пьесе «Три сестры»

<http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=9&sub=9&part=6&page=12>. Комментарии к пьесе «Три сестры»

Всеволод Сахаров. Высота взгляда (Тургенев и Чехов), Островок, 2000: <https://ostrovok.de/old/prose/saharov/essay010.htm>.

Любимый актер Чехова. Театр и драматургия, М., 1935, № 2.

Е. В. Тюхова. Тургенев и Чехов: преемственность и типологическая связь. Спасский вестник, 2005, № 12.

А. Г. Головачева. Тургеневские мотивы в «Чайке» Чехова. Филологические науки. 1980, № 3.

А. П. Чудаков. Мир Чехова. М., 1986.